

Горбов В.Н., Кабанова Е.В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

В статье рассматриваются результаты некоторых раскопок поселений эпохи бронзы Камышеватая-XIV и XVIa в Северо-Восточном Приазовье с точки зрения семейной и индивидуальной культовой практики населения. Особое внимание уделяется уникальному культовому комплексу – геоглифу, который использовался как святилище в общинной обрядности, а также некоторым категориям артефактов – статуэткам и оселкам.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, святилище, геоглиф, культ змея, статуэтка, оселок.

Исследования поселений позднего бронзового века в Северо-Восточном Приазовье дали обширные материалы, позволяющие реконструировать некоторые черты духовной культуры этой эпохи [Горбов, Мимоход, 1999]. В процессе исследования поселений Камышеватая-XIV и XVIa были получены новые данные, отражающие духовную культуру населения позднего бронзового века. Их анализ изложен в настоящей работе.

Еще в 1989 г. в результате разведок В.Н. Горбова и А.Н. Усачука в Першотравневом р-не Донецкой обл. было открыто 10 памятников позднего бронзового века, которые отличались от стационарных поселений специфической топографией и бедным культурным слоем (мощностью 0,2-0,3 м). Они располагались на небольшом расстоянии друг от друга на мысах правого берега р.Камышеватой и были определены как временные (сезонные) стоянки, относящиеся к периоду перехода оседлого пострубного населения к кочеванию. Керамический комплекс имел устойчивый набор характерных особенностей, который позволил выделить эти памятники в единый культурный и хронологический пласт так называемых памятников камышеватского типа и отнести их к постбелозерскому времени – X-IX (?) вв. до н.э. [Горбов, Подобед, 1996].

Один из этих памятников – поселение Камышеватая-XIV исследуется с 2004 г. Выделены три периода существования поселения: первый относится к развитой срубной культуре; второй – к финальному бронзовому веку; третий – к памятникам камышеватского типа.

В 2005 г. в северо-восточной части поселения, близ реки был исследован комплекс, который имел неординарный характер (рис.1; 2) [Горбов В.В., 2006]. Он представлял собой ров, заполненный золой, фрагментами керамики, костями животных и обломками камня. Комплекс располагался на квадратах 3-8' – А'-Д раскопа II (рис.2). Основная часть рва была углублена до 0,74 м от современной поверхности. В его середине находился еще один узкий и глубокий ров (до 0,9 м от современной поверхности), почти полностью повторяющий форму большого рва. Он был выгнут дугой длиной около 12 м, минимальная ширина составляла 0,5 м, максимальная – 2,25 м. Узкой частью ров был ориентирован на северо-восток – восток, широкой – на юг. Стратиграфическое соотношение обоих рвов недостаточно понятно. Возможно, внутренний и внешний рвы сооружались вместе и с самого начала были единым комплексом. Однако, не исключено, что внутренний ров был сооружен сначала, а внешний несколько позже. Таким образом, комплекс был увеличен в длину и ширину.

Заполнение рва было довольно однообразным. Это светло-серая зола, которая по цвету и плотности существенным образом отличалась от золистого слоя на поселении. Встречались небольшие обломки камня, скорее всего, положенные в ров умышленно, поскольку рядом с комплексом нет ни одного жилья с каменными конструкциями. Найдено значительное количество костей животных. Остеологическое определение пока не прово-

Рис. 1. Камышеватая-XIV. Культовый комплекс. Общий вид.
Fig. 1. Kamyshevataia-XIV. A cult complex. A general view.

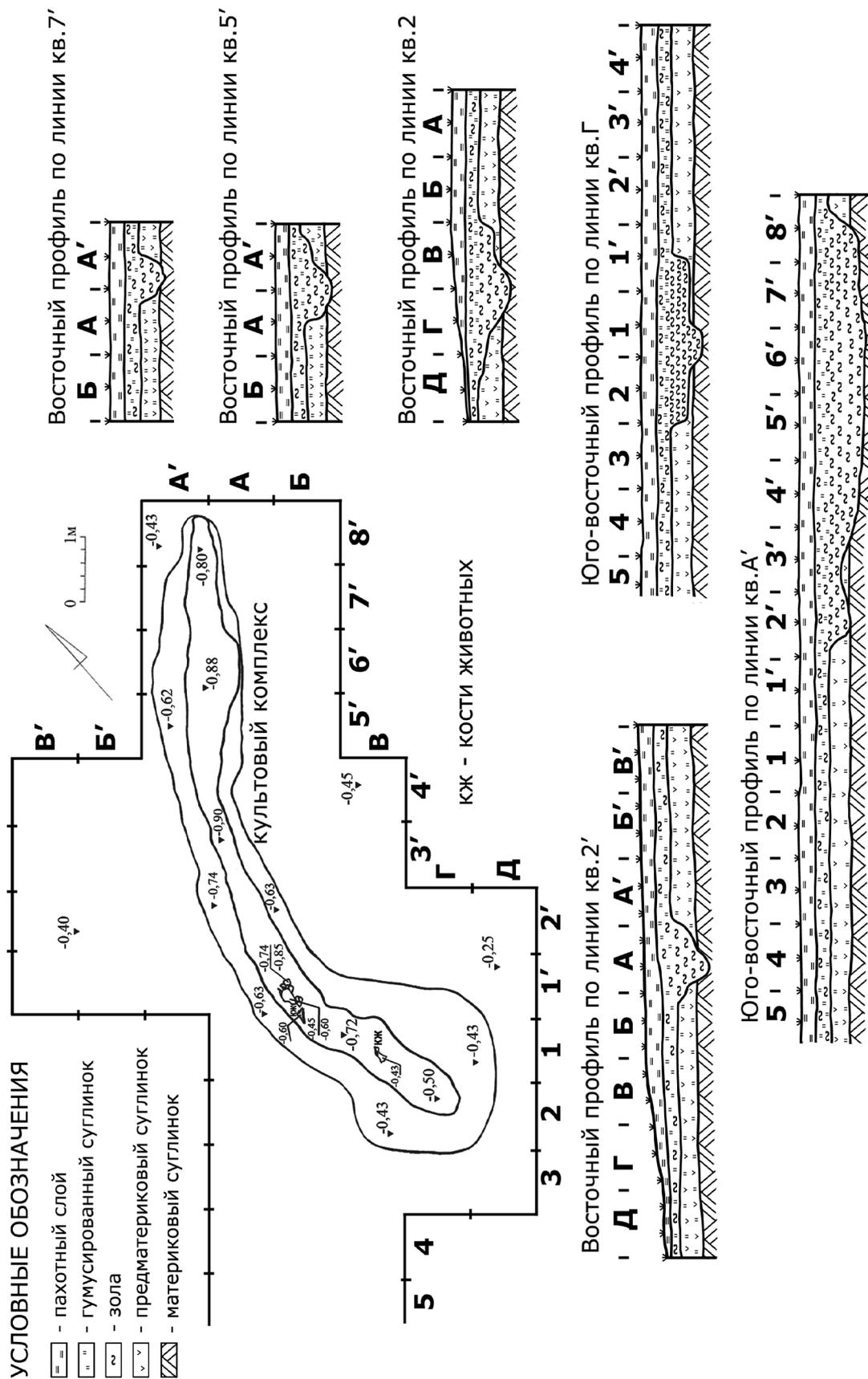

Рис. 2. Камышеватая-XIV. Культовый комплекс. План и разрезы.
Fig. 2. Kamyshevataia-XIV. A cult complex. The layout and sections.

дилось, но можно утверждать, что преобладали кости крупного рогатого скота.

Коллекция керамики комплекса невелика, но довольно выразительна (рис.3-5). Она характерна для памятников финального бронзового века данного региона. Более узкую дату дает фрагмент бортика каннелированной миски (рис.4, 1). Скорее всего, это местная реплика керамики Северо-Западного Причерноморья, на которой каннелюры появляются в позднебелозерское время (XI-X вв. до н.э.) [Ванчугов, 1990, с.120, 121]. Это подтверждает синхронность культового комплекса и жилищ с каменными конструкциями на данном поселении. Последние по особенностям домостроительства и датирующим артефактам отнесены к V-б горизонту единой стратиграфической колонки поселений бронзового века Северо-Восточного Приазовья, то есть, к середине XI – X вв. до н.э. [Горбов, 1995].

Среди найденных костяных изделий есть тупик, ложила (рис.6, 2), проколка (рис.6, 3). Наибольший интерес представляет орудие, сделанное из лопатки крупного рогатого скота (рис.6, 1). Скорее всего, оно было специально оставлено возле камня во рву. Интересно, что возле камня на дне помещения 6 на этом же поселении также было найдено изделие из лопатки. Обе находки можно отнести к однократным культовым комплексам [Горбов, Мимоход, 1999, с.28].

Ров, заполненный золой, без следов горения на стенках (что указывало бы на его использование в производственных целях), не имел утилитарного назначения. Скорее всего, он использовался для культовых действий. Применение ровов в культовой практике срубного населения зафиксировано на срубном поселении Богуслав [Ромашко, 1993, с.85-87]. Там было найдено святилище – ориентированная в широтном направлении площадка, ограниченная по периметру ровом. Ров был заполнен костями животных в несколько слоев, которые непосредственно шли один за другим и были разделены прослойками грунта. Характер использования рва на Камышеватой несколько иной, но типологическая параллель очевидна.

Вероятно, объект был связан с ритуальными действиями, которые неоднократно про-

дили жители поселения. Характерно и расположение комплекса – в северо-восточной части поселения, поскольку северо-восток являлся сакральным направлением для людей бронзового века. В древности очаг воспринимался как священное место. Зола не выбрасывали просто так, ее нередко собирали в так называемые зольники, наиболее хорошо исследованные на территории лесостепной Украины раннескифского времени [Дарган, 1996]. Основное отличие комплекса на Камышеватой-XIV от зольников Лесостепи заключается в том, что в первом случае зола являлась заполнением рва, во втором – образовывала скопления, напоминающие курганы.

Определению зольников как сакральных комплексов не противоречит наличие там бытовых отходов. Фактически, зольники являлись сакральными свалками. Иногда с ритуальными целями туда могли попадать целые вещи. Вероятно, таким образом изделие из лопатки крупного рогатого скота и оказалось в культовом комплексе на Камышеватой-XIV.

Следует обратить внимание на довольно необычную форму рва. Он выгнут, сужается в северо-восточной части и очень сильно расширяется в южной. Можно утверждать, что в плане ров имел змеевидную форму. Расширенная часть изображала голову змеи, а узкая, соответственно, хвост. Зооморфный вид рва сближает его с так называемыми геоглифами – изображениями, вырезанным в грунте. [Брей, Трамп, 1990, с.58]. Очевидно, такие изображения были довольно широко распространены в древности, но не сохранялись вследствие грунтовой эрозии или деятельности человека. Наиболее известные геоглифы исследованы там, где были уникальные естественные условия.

Мировую известность получили геоглифы, обнаруженные в перуанской пустыне Наска, где они сохранились благодаря исключительно засушливому климату [Галич, 1990, с.310-311]. Менее известны, но не менее значимы геоглифы, обнаруженные близ г. Пальпы на побережье Перу в 1997 г. С помощью аэрофотосъемки там было найдено более 1000 геоглифов, а также большое число петроглифов (геометрические, антропоморф-

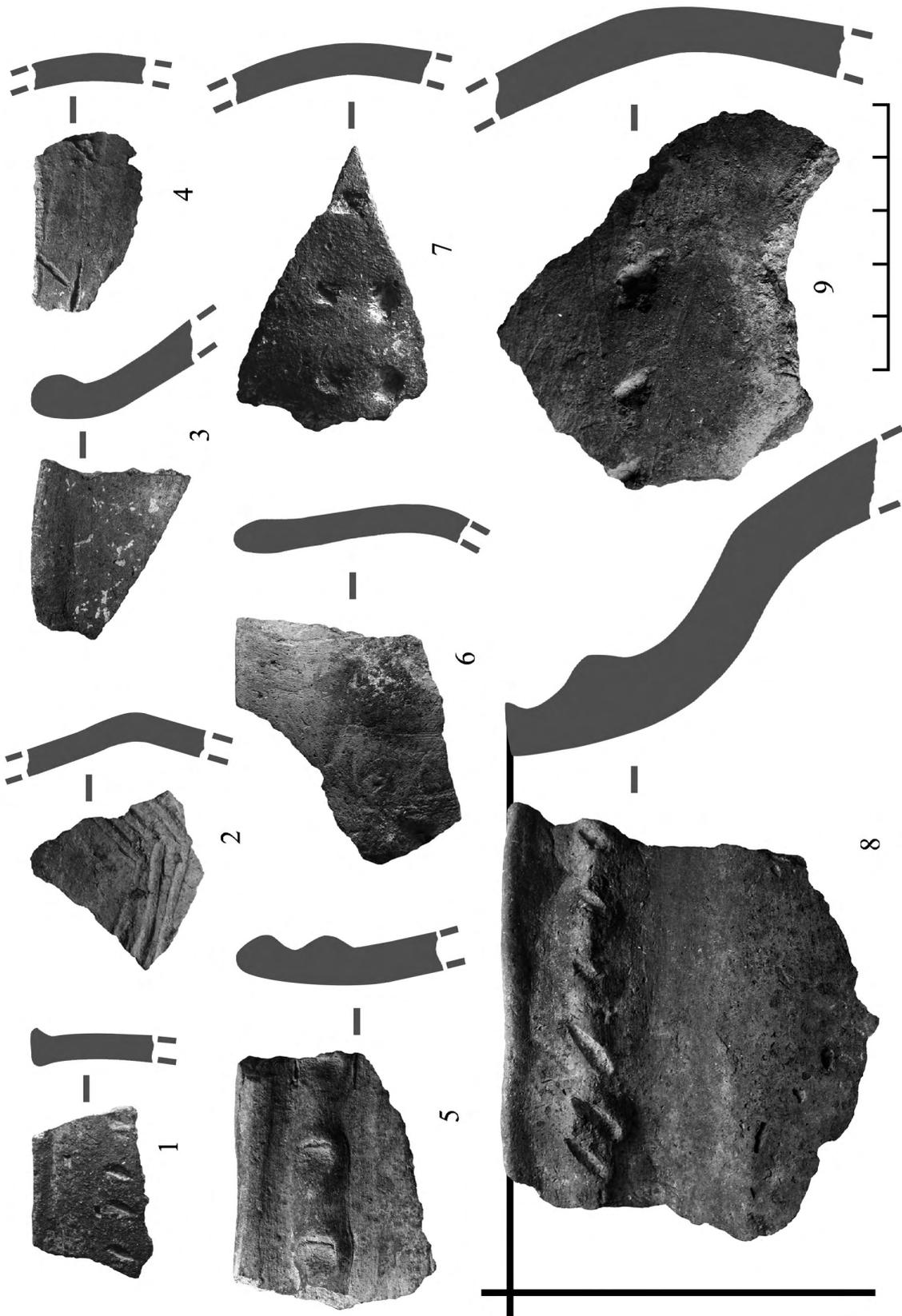

Рис. 3. Камышеватая-XIV. Культовый комплекс. Фрагменты керамики.
Fig. 3. Kamyshevataia-XIV. A cult complex. Fragments of pottery.

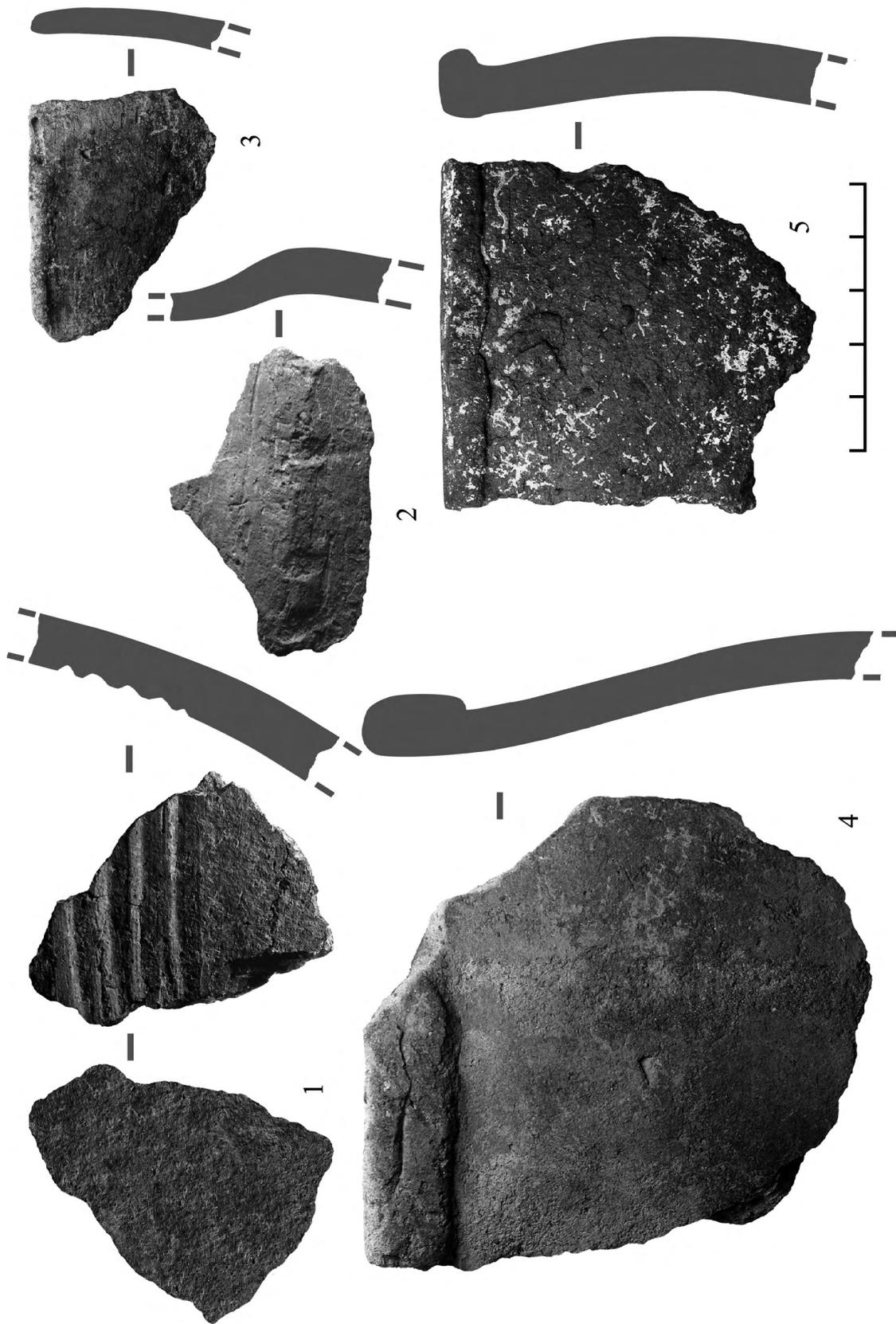

Рис. 4. Камышеватая-XIV. Культовый комплекс. Фрагменты керамики.
Fig. 4. Kamyshevataia-XIV. A cult complex. Fragments of pottery.

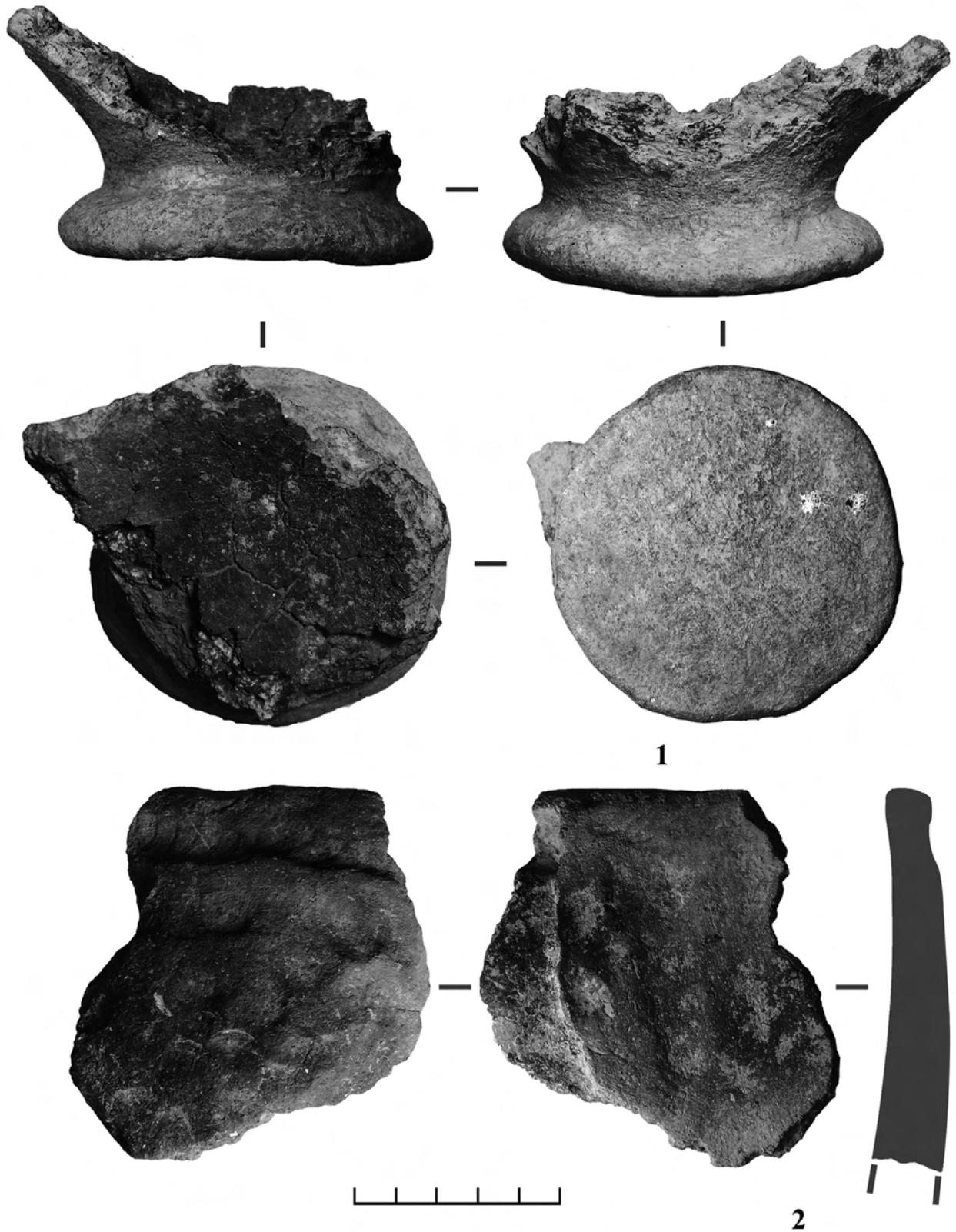

Рис. 5. Камышеватая-XIV. Культовый комплекс. Фрагменты керамики.
Fig. 5. Kamyshevataia-XIV. A cult complex. Fragments of pottery.

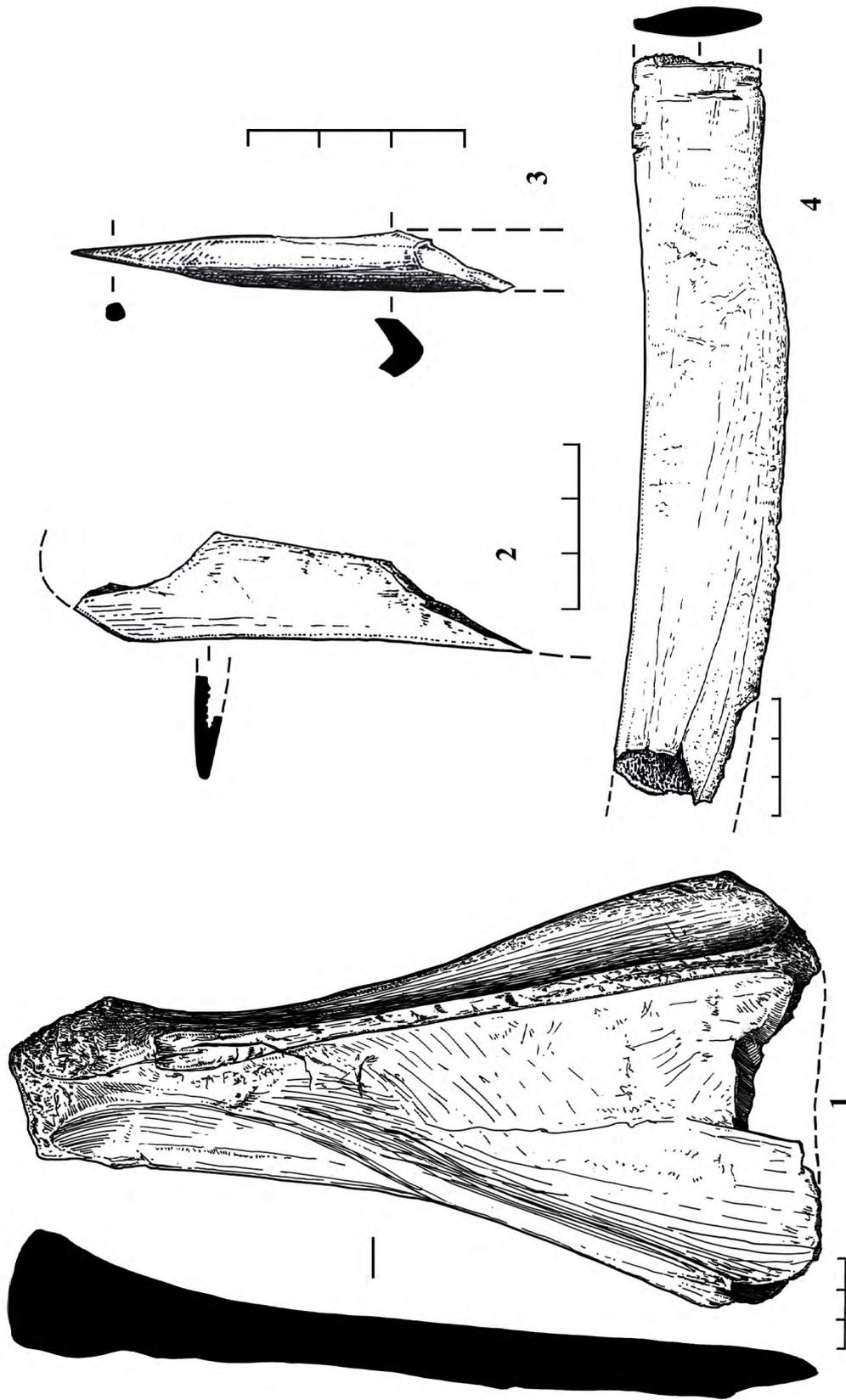

Рис. 6. Камышевская-XIV. Культовый комплекс. Костяные орудия: 1 – орудие из лопатки КРС; 2 – фрагмент лопатки; 3 – проколка; 4 – ребро КРС со следами резки.

Fig. 6. Kamyshevaya-XIV. A cult complex. Bone instruments: 1 – the instrument made of shoulder-blade of cattle; 2 – a fragment of polisher; 3 – a piercer; 4 – a rib of cattle with traces of carving.

ные и зооморфные фигуры размером от 30 до 150 м) [Беляев, б/г]. Исследователи считают, что геоглифы Пальпы были созданы на ранних этапах развития культуры Наска с целью показать отличие и превосходство насканцев над их предшественниками – создателями культуры Паракас. Традиция высечения изображений на земле впервые появляется именно в Паракасе (напр. знаменитый “паракасский канделябр”). Установлено, что рисунки, создававшиеся паракасцами и насканцами, были своего рода святилищами под открытым небом, посвященными ритуалам плодородия и инициаций. Участники ритуальных процессов двигались вдоль линий и приносили дары духам или божествам. Рядом с геоглифами были найдены остатки приношений – посуда, еда, ткани, украшения из раковин. Предполагается, что различные рисунки использовались различными родственными группами [Беляев, б/г].

В Европе широкую известность получила Уффингтонская белая лошадь. Это стилизованная меловая фигура, созданная в X в. до н.э. путём снятия дернового покрова на склоне известнякового холма недалеко от г. Уффингтон в английском графстве Оксфордшир [Брей, Трамп, 1990, с.58]. Создателями изображения, по-видимому, были обитатели близлежащего городища эпохи бронзы, но изображение хорошо сохранилось до наших дней благодаря отношению местного населения. При отсутствии должного ухода геоглифы быстро зарастают травой и теряют чёткость контура. Для того, чтобы фигура не зарастала травой, её на протяжении тысячелетий регулярно “выпальвали”. В новое время эта процедура осуществлялась раз в семь лет и совпадала с проведением местной ярмарки [Уффингтонская белая лошадь, б/г].

В условиях нормального почвообразования геоглифы на поверхности земли обычно не видны. Их могут не найти во время раскопок, если они не доходили до уровня древней поверхности или материка. Исследователи, разумеется, не застрахованы от полевых ошибок. В качестве примера можно привести изображения “лебедей” на поселении раннего железного века Пожарная Балка (Полтавская обл.), опубликованные И. И. Ляпушкиным и

ставшие известными благодаря Б.А. Рыбакову [Рыбаков, 1981, с.334]. В.Н. Горбов принимал участие в повторных раскопках этого комплекса, проведенных В.П. Андриенко в 1983 г. Выяснилось, что изображения на самом деле были сложным скоплением нор, срезанных при горизонтальной зачистке древней поверхности во время раскопок И.И. Ляпушкина. По данным местных жителей, участвовавших в этих работах, получившиеся таким образом “лебедей” специально обозначались известью перед фотографированием. И.И.Ляпушкин, не до конца разобравшись в сложной полевой ситуации, стремился так показать свое видение найденного, что, разумеется, не является намеренной фальсификацией.

На Камышеватой геоглиф “змея” был обнаружен именно благодаря однородному золистому заполнению и зачистке, проведенной на уровне древнего горизонта. Вряд ли такое количество золы было собрано единовременно. В процессе изучения зольников на Западном Бельском городище было выяснено, что они формировались в течение длительного времени – от 75 до 150 лет (любезное сообщение И.Б. Шрамко). Объем золы в камышеватском комплексе, несомненно, меньше, то есть, функционировал он не столь долго.

Особый интерес вызывает вопрос о причине хорошей сохранности всего комплекса. Если бы он не был чем-либо закрыт, то в течение какого-то времени с неизбежностью разрушился бы из-за атмосферных воздействий (осадки и дождь, снег и т.д.). Это предположение подтверждается полевыми наблюдениями. Края и стенки ям-погребов, выкопанных на территории экспедиционного лагеря, к следующему сезону значительно оплывают и теряют четкость очертаний. Наиболее вероятно, что в древности культовый комплекс имел перекрытие. Следов каменно-дерновых конструкций, характерных для святилищ Северо-Восточного Приазовья, здесь не выявлено и о характере перекрытия можно только догадываться. Возможно, это были переносные плетеные щиты, плотно связанные снопы соломы или вязанки хвороста, которые легко и быстро убирались на время проведения обрядов.

Совершенно очевидно, что в данном случае перед нами многократный культовый ком-

плекс [Горбов, Мимоход, 1999, с.25], связанный с культом змея.

Змею (змея) почитали во всем мире с глубокой древности, у многих народов почитательное отношение к пресмыкающимся сохранилось до нашего времени. Это прослеживается в разных культурах, территориально и хронологически значительно отдаленных друг от друга. В мифах многих народов змей предстает охранником источников и водохранилищ. Почти на всех континентах змей представляется тем, кто подает дождь. Широко известны обряды почитания или жертвоприношений змей в период дождей или засухи. Этим обрядам соответствуют мифы о победе героя-змееборца или бога-громовержца над змеем, вследствие чего начинается гроза, дождь или же потоп. Древнеиндийский миф о происхождении рек свидетельствует о тесной связи понятий “змея” и “вода”. В славянской мифологии змей живет в воде, стережет ее, теряет свою силу, если высохнет. Дождь и змея, река и змея тесно связаны в мифологии древних майя, североамериканских индейцев, индейцев Перу. Аналогичные представления встречаются в мифах народов Закавказья (армян, грузин), народов Сибири [Иванов, 1980]. Б.А.Рыбаков считал, что змея (уж), живущая возле воды и выползающая во время дождя, естественно была связана в сознании древнего земледельца с непонятным механизмом появления дождя [Рыбаков, 1965, с.36]. Кроме того, важную роль играла ассоциативная связь – река или струя воды течет, извивается, словно змея.

В древности вода была одной из наиболее почитаемых стихий природы. Она имела большое значение для жизни человека, в частности для занятий земледелием. В самых разных мифологиях вода является первоисточником, исходным состоянием всего сущего, эквивалентом первоначального хаоса. Наскальные рисунки на севере Европы, Азии и Америки, сделанные мезолитическими охотниками, расположены на береговых скалах, часто на уровне воды. Это свидетельствует о том, что выполнение этих изображений могло быть актом почитания божеств воды, а также о том, что возле воды выполнялись культовые действия. Довольно часто с водной стихией

ассоциировалось божество нижней части вселенной, то есть мифический змей [Аверинцев, 1980, с.240].

Сейчас почти никто из исследователей не сомневается, что носители срубной культуры относились к одной из групп индоиранских племен. Поэтому для нашей темы особое значение имеет образ змея в индоиранской мифологии, основным источником по которой являются гимны “Ригведы”. У индоиранцев змей, безусловно, связан с водной стихией. Змей Шеша, поддерживавший землю, лежит на дне океана [Гринцер, 1980, с.642]. Змей Вритра сковывал движение рек и был вместилищем воды [Елизаренкова, 1989, с.432]. Бог Индра убивает Вритру и освобождает воды, что является его основным подвигом и приравнивается к акту творения [Елизаренкова, 1989, с.438].

На срубной керамике иногда встречаются символические рисунки, нанесенные на поверхность до обжига. Особое место среди них занимает изображение змеи в виде ломаной линии, амплитуда которой увеличивается в передней части тела. Пасть змеи изображается двумя линиями, расположенными под тупым углом одна к другой, кончик хвоста выгнут книзу [Отрощенко, 1974, рис.1,31-33]. Такая стилистика указывает на то, что у срубников змей был тесно связан с водой. Декоративный мотив в виде зигзага или волнистой линии обычно встречается в орнаментике разных народов еще со времен палеолита. Этот графический символ имел собственное смысловое содержание – он обозначал змею или воду. Еще в Древнем Египте и Шумере иероглиф в виде волнистой линии символизировал воду или реку в плане. На европейских и кавказских сосудах времен неолита и бронзы зигзаг и волна часто изображаются в верхней части, условно обозначая небесную влагу, которая должна пролиться на землю в виде дождя [Голан, 1993, с.74-75].

Изображение змея в виде ломаной линии в срубной изобразительной традиции свидетельствует о том, что змей воспринимался как вместилище воды. Очевидно, что у носителей срубной культуры был мифологический образ, аналогичный ведическому Вритре. Жители поселения Камышеватая-XIV эпохи

финальной бронзы были потомками срубных племен. Преемственность прослеживается не только в материальной культуре, но и в духовной. Это дает возможность предположить, что образ змея в их представлении был также связан с водой. Безусловно, сложно представить, что в изображения змея на керамике и в грунте могли полностью совпадать, но некоторые детали схожи. В рисунках на керамике амплитуда ломаной линии увеличивается от хвоста к голове, в этом же направлении увеличивается ширина рва в геоглифе. В обоих случаях голова непропорционально велика. Но наиболее важным является само расположение геоглифа. Он обращен головой к реке, то есть непосредственно связан с источником воды. На сосуде, найденном в Дружковском срубном могильнике, голова змея также обращена в сторону символа дождевых струй [Горбов, Усачук, 1993, с.119, рис.63].

Таким образом, можно утверждать, что у жителей Камышеватой-XIV продолжала существовать традиция, которая связывала мифического змея и воду. Но в рассматриваемом контексте змей был не только изображением. Это было особым образом оформленное место для проведения определенных культовых действий. Общее направление таких действий представляется понятным. Для обитателей засушливой приазовской степи вода имела особое значение, поэтому они проводили сложные культовые действия, призванные обеспечить необходимую влагу. Возможно, культовый комплекс был связан с сезонными праздниками. Так, обряды, посвященные убийству Вритры, проводились один раз в год на протяжении семи дней [Елизаренкова, 1989, с.497]. Их целью было обеспечение водой на протяжении года с помощью магических средств.

Поскольку культовый комплекс на Камышеватой-XIV использовался многократно, его можно считать святилищем. Синхронные по времени, но совсем иные по конструктивным особенностям святилища срубной культуры исследованы на поселении Безыменное-II в Новоазовском р-не Донецкой обл. Это были наземные сооружения большой площади для отправления хтонических культов [Горбов, Мимоход, 1999, с.32-42]. Появ-

ление на довольно отдаленных поселениях святилищ, связанных с обеспечением плодородия и воды не случайно. Именно к этому времени относится начало аридизации приазовской степи [Герасименко, Горбов, 1996]. С помощью магических средств степное население пыталось предотвратить экологическую катастрофу.

Святилище на Камышеватой-XIV, скорее всего, использовалось в культовой практике нескольких близлежащих поселений, то есть относилось к общинной обрядности. На исследованных в Приазовье памятниках были найдены артефакты, которые позволяют говорить о семейной и даже индивидуальной культовой практике, а также характеризуют эстетические взгляды и идеологемы позднего бронзового века.

В 2006 г. на поселении Камышеватая-XVIa в гомогенном слое на глубине 20 см было найдено изделие из плоской плитки песчаника высотой 6,3 см и толщиной до 1,4 см (рис.7, 4; 8, 5). Толщина плитки определяется специфической трещиноватостью камня. Заднюю сторону предмета составляет естественная поверхность почти без обработки, лицевая сторона была обработана. Навершие грибовидной формы (1,7 × 3,6 см) переходит в вертикальную шейку (2,2 × 2,2 см), немного расширенную сверху и внизу, и прямоугольную основу, правый нижний угол которой был, вероятно, обломан еще в древности. Размеры сохранившейся части основы – 2,2 × 3,6 см, ее нижняя грань заполирована. На верхней части навершия и на правой стороне шейки видны следы огня (трассологическое описание изделия см. в работе А.Н. Усачука в этом сборнике).

Вероятно, это изделие являлось антропоморфной статуэткой. На нем очень хорошо выделяется небольшая грибовидная голова, мощная шея и четко смоделированные прямоугольные плечи и часть торса. Существует целый ряд иконографических параллелей в разных традиционных культурах. В Триполье таким образом оформлялись ручки ковшей [Бибиков, 1953, табл.50-51]. Собственно антропоморфная пластика Триполья также дает похожие образцы [Бибиков, 1953, рис.96]. Одна из самых ярких типологических анало-

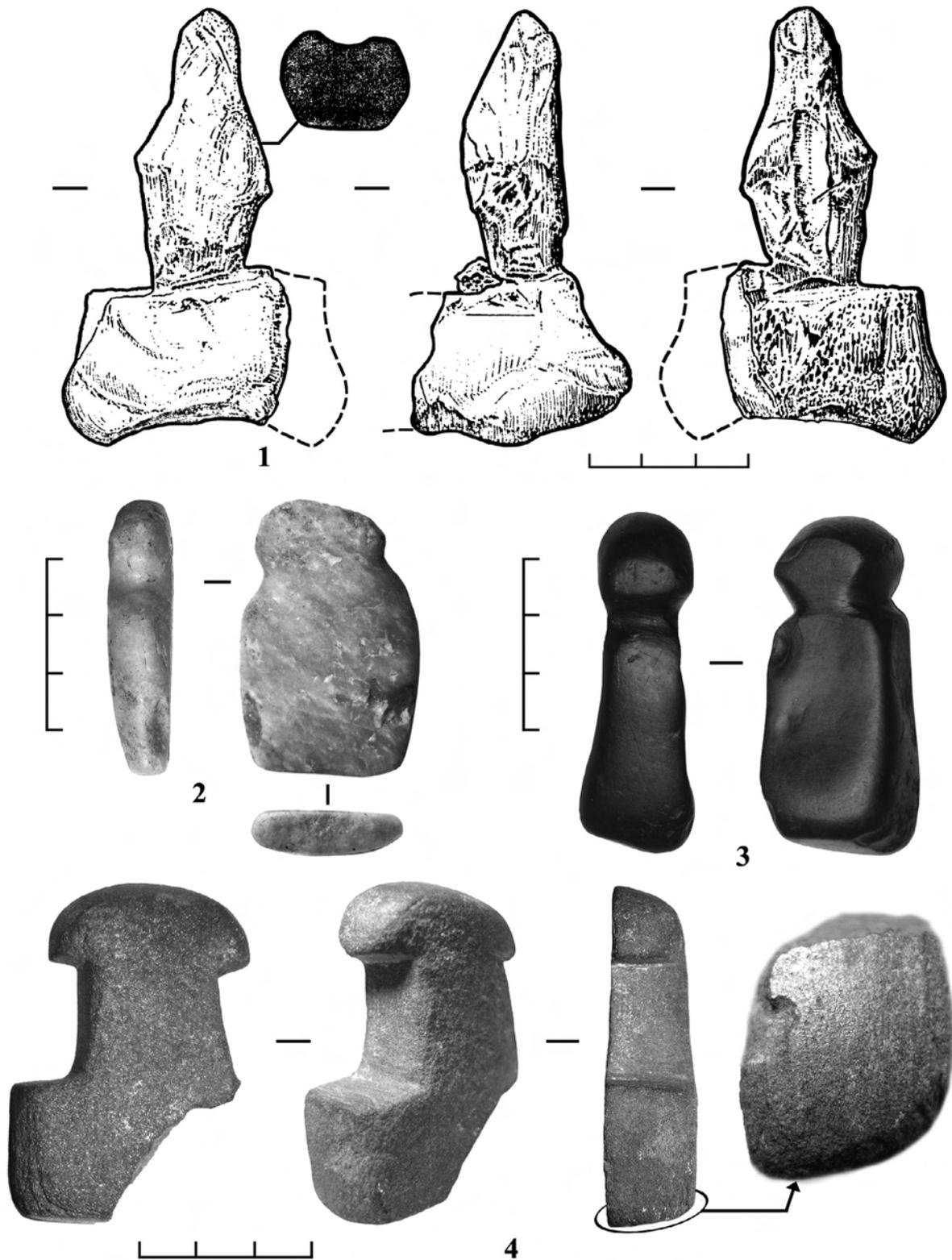

Рис. 7. 1 – статуэтка из кости с поселения Безыменное-II; 2 – каменное изделие с поселения Яровая; 3 – каменное изделие с поселения Торец (Устье); 4 – статуэтка из песчаника с поселения Камышеватая- XVIa.

Fig. 7.1 – bone figurine from Bezymennoie-II settlement; 2 – stone item from Yarovaia settlement; 3 – stone item from Torets (Ustie) settlement; 4 – sandstone figurine from Kamyshevataia-XVIa settlement.

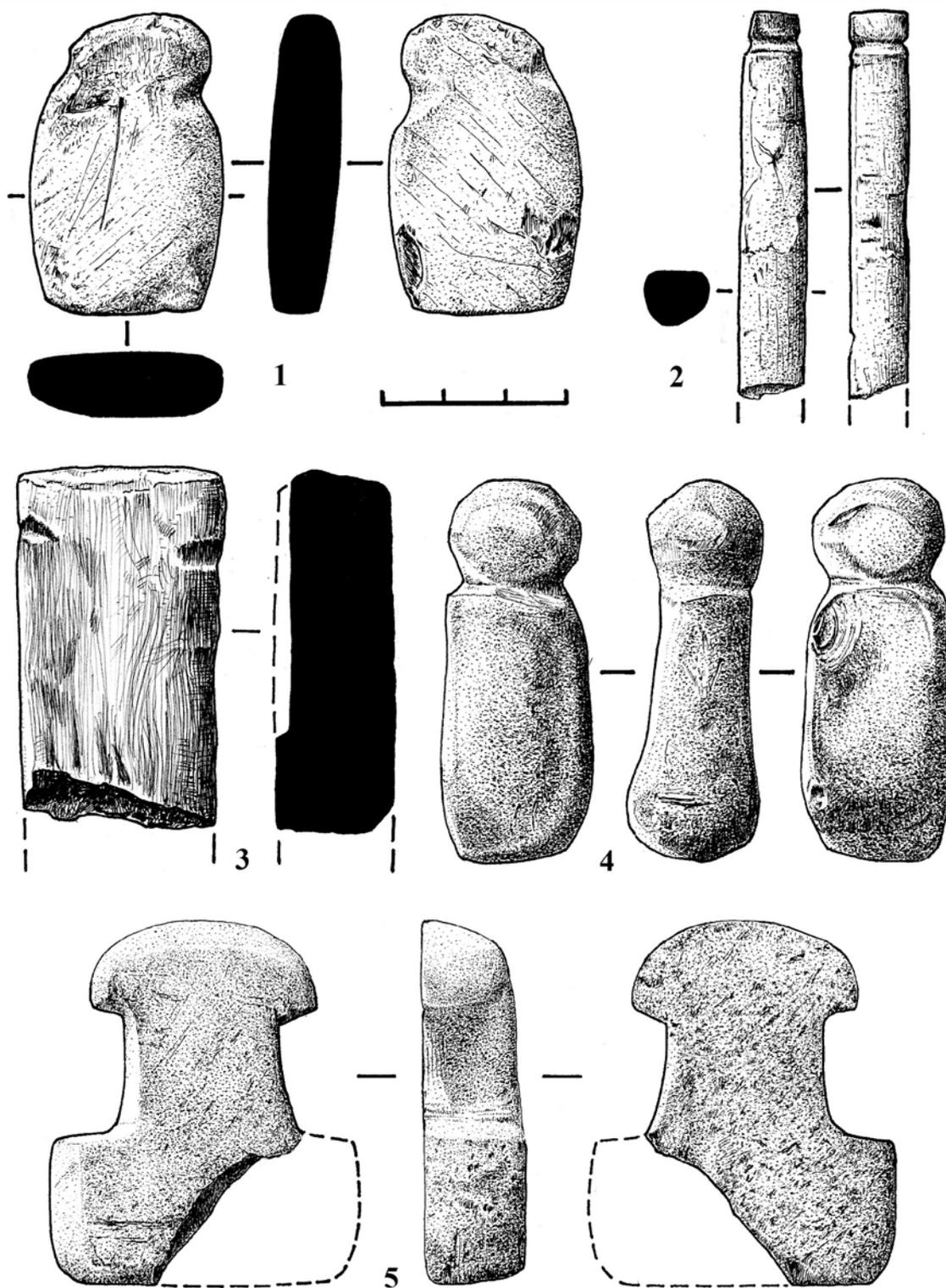

Рис. 8. Каменные изделия: 1 – поселение Яровая; 2,3 – поселение Камышеватая-XIV; 4 – поселение Торец (Устье); 5 – статуэтка с поселения Камышеватая-XVIa (рисунки А.Н. Усачука).

Fig. 8. Stone items: 1 – Yarovaia settlement; 2,3 – Kamyshevataia-XIV settlement; 4 – Torets (Ustie) settlement; 5 – figurine from Kamyshevataia-XVIa settlement (A.N.Usachuk's drawings).

гий – антропоморфные ручки черпаков из Лесостепной Скифии [Горбов, 2002].

Статуэтка морфологически близка стелам позднего бронзового века из кург. 10 и 14 у с. Большая Белозерка [Отрощенко, 1982, рис. 4; 6] (рис. 9, 2; 9, 3). Она немного похожа на так называемые силуэты раннего железного века [Ольховский, 2005, рис. 94, 2; 95, 3, 4] (рис. 9, 4-6). На территории Херсонеса и его хоры (IV-III вв. до н.э.) были распространены маленькие антропоморфные надгробия на подставках. В них также схематично переданы только голова и часть торса [Щеглов, 1978, с. 48-51]. Но характерной особенностью нашей статуэтки, в отличие от указанных образцов, является грибовидное оформление верхней части.

Применение структурно-семиотического метода позволяет утверждать, что при наличии похожих деталей декора на разных предметах последние могли существовать синхронно [Андриенко, 1986]. В связи с этим особое значение приобретает грибовидное оформление головы статуэтки. Грибовидные навершия мечей, псалиев, рукояток котлов, оформление подвесок – яркий признак предскифского времени [Тереножкин, 1976, с. 113], к которому, возможно, относится и рассматриваемое изделие. В пользу такой датировки свидетельствует и золистый культурный слой небольшой мощности (до 0,25-0,3 м) с незначительным количеством находок, что характерно для памятников камышеватского типа [Горбов, Подобед, 1996].

Возможным подтверждением такой датировки статуэтки может служить очень близкое морфологически изделие, изображенное на “киммерийской” стеле из Царевой могилы [Ольховский, 2005, рис. 25, 2] (рис. 9, 7). Это изделие (возможно, также статуэтка) находится под поясом и едва ли является точильным бруском (оселком). Оселки, судя по изображениям на стелах, как правило, имеют сквозное отверстие и подвешиваются к поясу, а не закладываются за него. Нестандартное положение упомянутого изделия под поясом, имевшим сакральное значение, свидетельствует о возможности использования этого предмета в

культовых целях.

Если мы сможем выяснить хотя бы общее функциональное назначение статуэтки, то можно будет очертить круг действий, в которых использовался предмет. Это изделие могло быть подвеской. Однако на месте возможного подвешивания (на “шее”) отсутствуют следы заполированности. Впрочем, это могла быть заготовка, которую никогда не использовали. Интересно, что заполирована нижняя грань артефакта. Можно предположить, что статуэтка вначале длинная, потом сломалась и была отполирована на месте излома¹. Едва ли она служила каким-то орудием труда – площадь возможной рабочей поверхности слишком мала.

Прямых аналогий этой статуэтке среди артефактов позднего бронзового и раннего железного века пока не найдено.

На поселении Безыменное-II (Новоазовский р-н Донецкой обл.) в комплексе V-а горизонта было найдено изделие, изготовленное из компакты кости крупного копытного (рис. 7, 1) [Усачук, 1996, с. 24-25]. Следы функционального использования изделий не зафиксированы. На наш взгляд, верхняя часть имеет антропоморфный вид (ср.: [Усачук, 1996, с. 25]). Вообще изделие напоминает небольшую стелу, расположенную на постаменте.

Каменную статуэтку из материалов Камышеватой-XVIa и костяную из Безыменного-II можно рассматривать как миниатюрное подобие больших стел, которые ставили на курганах. “Площадки, на которых устанавливали каменные стелы, были своеобразными алтарями-жертвенниками” [Отрощенко, 1982, с. 16]. Они, без сомнения, использовались для культовой практики большого количества людей. Поэтому маленькие статуэтки могли использоваться на домашних алтариках. Как отдаленную параллель можно использовать алтари, посвященные древнеримским ларам – хранителям дома. Они, как правило, располагались возле очага [Штаерман, 1980]. В пользу того, что камышеватская статуэтка использовалась как маленький домашний алтарь, может свидетельствовать закопченность с той стороны, где мог гореть жертвенный огонь.

¹ По мнению А.Н. Усачука, фигурка сохранила начальные размеры.

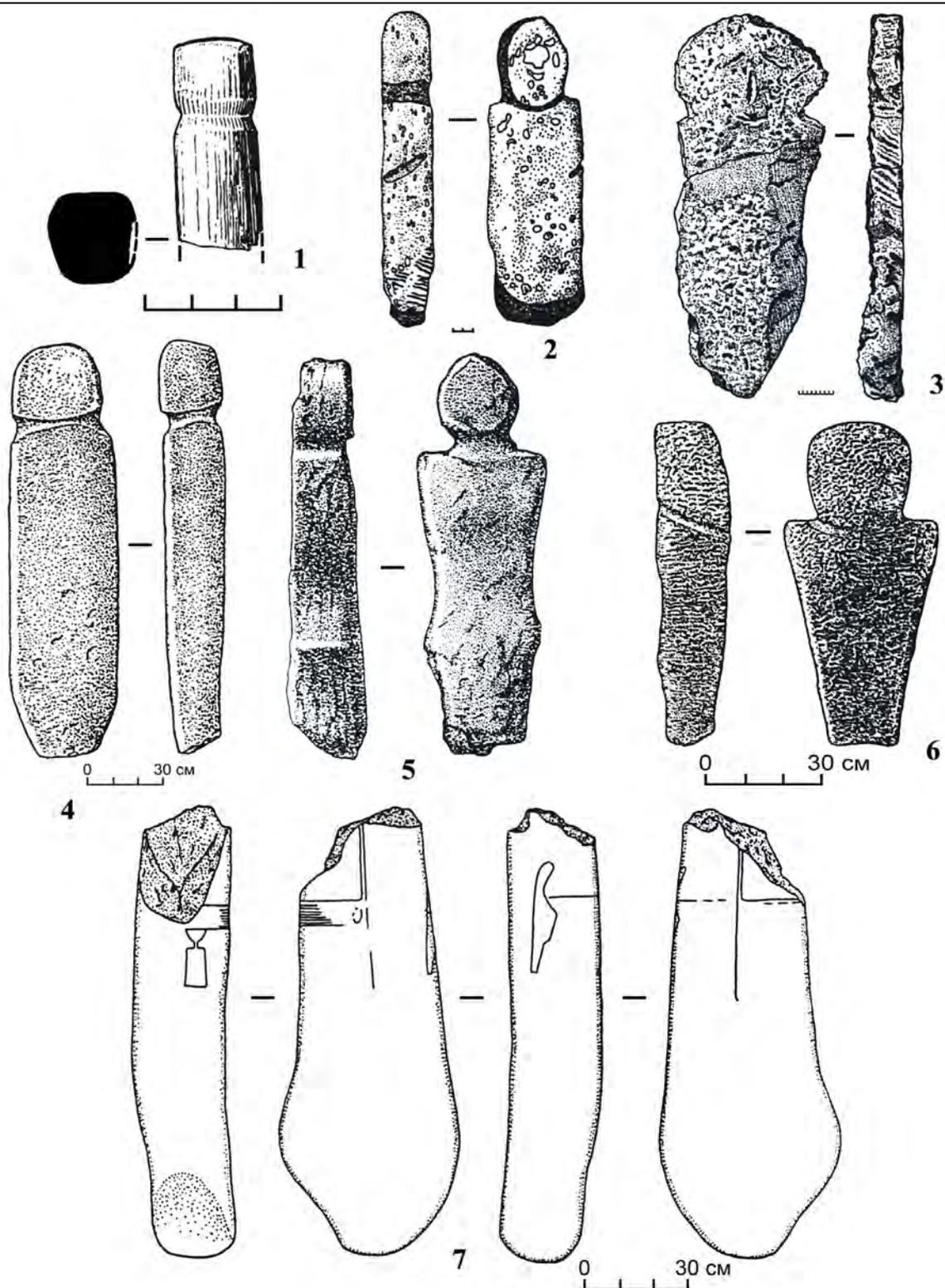

Рис. 9. 1 – оселок с поселения Безыменное-II; 2, 3 – стелы срубной культуры (по В.В. Отрошенко); 4-6 – скифские статуи-силуэты (по В.С. Ольховскому); 7 – стела с Царевой Могилы (по В.С. Ольховскому).

Fig. 9. 1 – whetstone from Bezymennoe-II settlement; 2, 3 – stelae of Timber Grave culture (by V.V. Otroshchenko); 4-6 – Scythian statues-silhouettes (by V.S. Olkhovskii); 7 – stela from Tsareva Mogila (by V.S. Olkhovskii).

В позднем бронзовом веке известна еще одна категория изделий антропоморфной или фаллоподобной формы – оселки. Они имеют “перехват” – суженную часть, которая придавала изделию определенную изобразительность, и вместе с тем имела функциональное назначение – за нее оселок подвешивали. Оселок фаллоподобной формы найден на поселении Безыменное-II в помещении 2 V-б горизонта. Он был сделан из песчаника и предназначался для грубого затачивания изделий из металла (рис.9, 1). Узкий оселок из сланцевой породы найден на поселении Камышеватая-XIV (рис.8, 2). По трасологическому определению А.Н. Усачука, орудие недолго служило для заточки металлических острий, а желобок орудия завальцован от шнура, за который оселок подвешивали. С этого же памятника происходит и обломок оселка из биотитового кристаллического сланца (рис.8, 3).

С поселений Северского Донца происходят два выразительных экземпляра оселков-подвесок (хранятся в фондах Донецкого областного краеведческого музея). Они сделаны из неабразивных материалов – базальта (рис.7, 3; 8, 4) и кварцита (рис.7, 2; 8, 1). Интересно, что как оселки эти предметы использовались недолго и представляют собой антропоморфные подвески (см. работу А.Н. Усачука в этом сборнике).

Со временем, в раннем железном веке морфология оселков изменяется. “Перехват” для подвешивания, который придавал оселкам позднего бронзового века антропо- или фалломорфную форму, заменяется на сквозное отверстие. Б.А. Шрамко считал оселки исключительно функциональными из-

делиями [Шрамко, 1973]. По представлениям М.П. Грязнова [Грязнов, 1961] и Д.С. Раевского [Раевский, 1983] оселки из скифских погребений служили исключительно амулетами, так как были сделаны из неабразивных материалов. На это указывает также их расположение на поясном наборе в скифских статуях. Истина, наверное, находится посредине. Оселки могли иметь как утилитарное, так и сакральное значение. При этом оселок из неабразивного материала (для доводки клинка) был, скорее всего, атрибутом воина. Мы можем предположить, что и оселки позднего бронзового века также были как орудиями труда, так и амулетами-оберегами.

Таким образом, исследованные комплексы и отдельные артефакты позволяют говорить об определенном уровне развития духовной культуры населения Северо-Восточного Приазовья эпохи поздней бронзы. Жители этого региона практиковали личную береговую магию и семейные обряды. Относящийся к общинным культам объект на Камышеватой-XIV имеет облик геоглифа и объединяет сразу три вида культовых комплексов: святилище, углубленный жертвенник и зольник. Здесь проводились неоднократные культовые действия, позволившие за продолжительное время накопить большой объем золы. К святилищу этот комплекс приближается по размерам и характерному расположению в границах памятника (на северо-востоке). С углубленными жертвенниками его связывает то, что он оформлен как ров. Пока что камышеватский “змей” не имеет аналогий среди исследованных прежде культовых комплексов на поселениях бронзового века.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев, 1980:* Аверинцев С.С. Вода / С.С. Аверинцев // Мифы народов мира. Т.1. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – С.240.
- Березанская, 1990:* Березанская С.С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце / С.С. Березанская. – К.: Наукова думка, 1990. – 152 с.
- Беляев, б/г:* Беляев Д. В Перу найдены новые гигантские наземные рисунки: археологический комментарий / Д. Беляев // Месоамерика глазами русских первопроходцев / www.mesoamerica.ru/we/news07.html.
- Бибиков, 1953:* Бибиков С.Н. Поселение Лука-Врублевская на Днестре / С.Н. Бибиков // МИА. – № 38. – 1953. – 460 с.

- Брей, Трамп, 1990:* Брей У., Трамп Д. Археологический словарь / У. Брей, Д. Трамп – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
- Ванчугов, 1990:* Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры / В.П. Ванчугов. – К.: Наукова думка, 1990. – 168 с.
- Галич, 1990:* Галич М. История доколумбовых цивилизаций / М. Галич – М.: Мысль, 1990 – 407 с.
- Герасименко, Горбов, 1996:* Герасименко Н.П. Хроностратиграфия и палеоэкология эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья / Н.П. Герасименко, В.Н. Горбов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Матер. междунар. конф. Часть вторая. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 1996. – С.47-49.
- Гринцер, 1980:* Гринцер П. Шеша / П. Гринцер // Мифы народов мира. Т.2. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – С.642.
- Голан, 1993:* Голан А. Миф и символ / А. Голан. – М.: Русслит, 1993. – 375 с.
- Горбов, 2006:* Горбов В.В. Унікальний культовий комплекс на поселенні Комишувата-ХІV / В.В. Горбов // Літопис Донбасу. – Донецьк, 2006. – № 14. – С.11-22.
- Горбов, 1995:* Горбов В.Н. К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане / В.Н. Горбов // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Часть вторая. – СПб., 1995. – С.52-72.
- Горбов, 2002:* Горбов В.Н. О сакральной функции архаических черпаков Лесостепной Скифии / В.Н. Горбов // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Т.1. – Донецк, 2002. – С.243-255.
- Горбов, Мимоход, 1999:* Горбов В.Н. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов, Р.А. Мимоход // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С.24-70.
- Горбов, Подобед, 1996:* Горбов В.Н. О хронологической позиции памятников камышеватского типа / В.Н. Горбов, В.А. Подобед // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Матер. междунар. конф. Часть вторая. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 1996. – С.96-99.
- Горбов, Усачук, 1993:* Горбов В.Н. Дружковский могильник и некоторые вопросы мировоззрения срубных племен / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // Археологический альманах. – № 2. – Донецк, 1993. – С.115-132.
- Грязнов, 1961:* Грязнов М.П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени / М.П. Грязнов // Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь М.И. Артамонова. – Л.: Наука, 1961. – С.139-144.
- Дараган, 1996:* Дараган М.Н. К вопросу о функционально-семиотической интерпретации раннескифских зольников Днепровской Лесостепи / М.Н. Дараган // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. – Полтава: ЦОДПА Вид. центр “Археологія”, 1996. – С.359-362.
- Елизаренкова, 1989:* Елизаренкова Т.Я. “Ригведа” – великое начало / Т.Я. Елизаренкова // Ригведа. Мандалы I – IV. – М.: Наука, 1989. – 768 с.
- Иванов, 1980:* Иванов В.В. Змей / В.В. Иванов // Мифы народов мира. – Т.1. – М.: Советская энциклопедия. – 1980. – С.468-471.
- Каталог случайных находок, 1993:* Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области // АА. – № 1. – Донецк, 1993. – 235 с.
- Ольховский, 2005:* Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей раннего железа / В.С. Ольховский. – М.: Наука, 2005. – 296 с.
- Отрощенко, 1974:* Отрощенко В.В. Элементы изобразительности в искусстве срубной культуры / В.В. Отрощенко // СА. – 1974. – № 4. – С.72-81.
- Отрощенко, 1982:* Отрощенко В.В. О каменных изваяниях у племен срубной культуры / В.В. Отрощенко // Новые памятники древней и средневековой культуры. – К.: Наукова думка. – 1982. – С.5-18.

- Отрощенко, 1990*: Отрощенко В.В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) / В.В. Отрощенко // Обряды и верования древнего населения Украины. – К.: Наукова думка, 1990. – С.5-15.
- Раевский, 1983*: Раевский Д.С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей / Д.С. Раевский // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. – М.: Наука, 1983. – С.55-62.
- Ромашко, 1993*: Ромашко В.А. Святилища и жертвенники поселений срубной культуры Украины / В.А. Ромашко // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1993. – С.79-104.
- Рыбаков, 1965*: Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита / Б.А. Рыбаков // СА. – 1965. – № 1. – С.30-41.
- Рыбаков, 1981*: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1981. – 608 с.
- Тереножкин, 1976*: Тереножкин А.И. Киммерийцы / А.И. Тереножкин. – К.: Наукова думка, 1976. – 223 с.
- Усачук, 1996*: Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий срубного поселения Безыменное-II / А.Н. Усачук // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Матер. междунар. конф. Часть вторая. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 1996. – С.21-27.
- Уффингтонская белая лошадь, б/г*: Уффингтонская белая лошадь / Википедия // ru.wikipedia.org/wiki/
- Штаерман, 1980*: Штаерман Е.М. Лары / Е.М. Штаерман // Мифы народов мира. – Т.2. – М.: Советская энциклопедия. – 1980. – С.38-39.
- Щеглов, 1978*: Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху / А.Н. Щеглов. – Л.: Наука, 1978. – 158 с.
- Шрамко, 1973*: Шрамко Б.А. Точильні знаряддя скіфської доби / Б.А. Шрамко // Археологія. – 1973. – Вип.11. – С.35-42.

Gorbov V.N., Kabanova Ye.V.

Some aspects of cult practice of the Bronze Age population of Northeastern Azov Sea littoral

The paper presents the new data about cult practice of the Bronze Age population of Northeastern Azov Sea littoral using materials of Kamyshevataia-XIV and XVIa settlements. In particular, a unique cult complex had been found there which was interpreted as a geoglyph. There were also some artefacts which testify to family and individual cult practice and characterize aesthetic views and outlook of the late Bronze Age.

Keywords: *the late Bronze Age, a sanctuary, geoglyph, a cult of dragon, a figurine, touchstone.*

Горбов В.М., Кабанова К.В.

Деякі аспекти культової практики населення епохи бронзи Південно-Східного Приазов'я

До наукового обігу вводяться нові дані щодо культової практики населення епохи бронзи Південно-Східного Приазов'я на матеріалах поселень Комишувата-XIV та XVIa, зокрема унікальний культовий комплекс, який інтерпретується як геогліф, а також артефакти, що свідчать про сімейну та індивідуальну культову практику, характеризують естетичні погляди та ідеологеми пізнього бронзового віку.

Ключові слова: *доба пізньої бронзи, святилище, геогліф, культ змія, статуетка, брусок.*